

Г. Грец

**История евреев от
древнейших времен до
настоящего**

**Второе, исправленное издание.
Том 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Грец**
История евреев от древнейших времен до настоящего: Второе, исправленное издание. Том 1 / Г. Грец – М.: Книга по Требованию, 2016. – 376 с.

ISBN 978-5-458-53007-1

«История евреев с древнейших веков до настоящего времени» – главный труд Генриха Греца, первое систематическое изложение истории евреев как летописи духовной жизни народа.

ISBN 978-5-458-53007-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЕНРИХЪ ГРЕЦЪ.

Человѣкъ и историкъ.

Немного дѣятелей найдется среди современныхъ евреевъ, которые имѣли бы такое глубокое вліяніе на міровоззрѣніе своего народа, какъ Генрихъ Грець. Будущій историкъ еврейства долженъ будетъ удѣлить ему весьма видное мѣсто не только какъ первоклассному ученому, но и какъ человѣку, капитальный трудъ котораго послужилъ могущественнымъ факторомъ національнаго и общественнаго развитія еврейства второй половины XIX столѣтія. Мы отнюдь не намѣрены преувеличивать заслуги Греча въ ущербъ другимъ корифеямъ, до и послѣ него посвятившимъ свою жизнь еврейской наукѣ. На обширномъ горизонтѣ этой науки авторъ „Исторіи Евреевъ“ является лишь однимъ изъ многочисленныхъ свѣтилъ, его украшающихъ. Справедливость требуетъ однако сказать, что изъ всей блестящей плеяды своихъ современниковъ ни одинъ не представляетъ столь счастливаго сочетанія глубокой учености и перворазряднаго литературнаго таланта съ пламенной любовью къ своему народу, какъ именно Грець.

Дѣло въ томъ, что изъ тяжеловѣснаго золота многоученой эрудиціи вовсе не такъ легко выковывать легкую, всемъ доступную монету, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Многіе, не будучи сами изслѣдователями и популяризируя лишь результаты чужихъ изысканій, даютъ читателю одни суррогаты знанія. Они кормятъ его случайнымъ наборомъ не проверенныхъ фактовъ и не продуманныхъ выводовъ, потому что они не дали себѣ труда черпать непосредственно изъ источниковъ и пропускать собранные факты чрезъ фильтръ своей критической мысли. У компилятора

поэтому никогда не будет ни той оригинальности научного творчества, ни той осторожности въ выборѣ фактовъ и выводахъ изъ нихъ, какія такъ выгодно отличаютъ истиннаго ученаго, самостоятельно изучившаго первоисточники.

Но этого мало. Въ мертвый лѣтописный матеріаль историкъ кромѣ того долженъ вдохнуть „душу живу“; оставаясь ученымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть и художникомъ, сухіе историческіе факты умѣющимъ изображать яркими, живыми красками. И кромѣ Греца не мало ученыхъ трудилось надъ первоисточниками еврейской исторіи и обогатило послѣднюю массой превосходныхъ изслѣдованій. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ труды эти доступны, однако, однимъ лишь спеціалистамъ: средній образованный еврей охотно вѣритъ, что эти люди обогатили еврейскую науку, но многоученными трудами ихъ никогда не пользуется. Какъ историка своего *par excellence* еврейство подъ всѣми широтами признаетъ одного Греца. Его высоко цѣнятъ и любятъ даже тѣ, которые, не имѣя возможности судить о чисто-научныхъ достоинствахъ его труда, тѣмъ не менѣе съ истиннымъ увлеченіемъ читаютъ его широкія и яркія картины многовѣковой жизни еврейскаго народа.

Но для того, чтобы создать этотъ колоссальный трудъ, недостаточно было феноменальной эрудиціи и блестящаго художественнаго таланта Греца. Для этого необходимо было обладать, сверхъ того, и необыкновенной энергіей, и мужествомъ, не отступающимъ предъ величіемъ взятой на себя задачи. Мужество, вѣра въ себя и въ науку двигаютъ горами. Тотъ, кто робѣетъ предъ размѣрами задуманнаго труда, потому ли что онъ считаетъ себя не доросшимъ до него, либо потому, что время, по его мнѣнію, для такого труда еще не настало, — тотъ со всей своей ученостью, со всѣми талантами своими ничего капитальнаго не создастъ.

Вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, любуясь за нѣсколько дней до своей смерти портретомъ Леопольда Цунца, Грець замѣтилъ: „Этому человѣку я обязанъ не только тѣмъ, что онъ успѣлъ сдѣлать, но еще больше тѣмъ, чего онъ не сдѣлалъ. Онъ такъ хорошо могъ бы написать исторію евреевъ, а между тѣмъ предоставилъ этотъ трудъ мнѣ“. Этими словами Грець какъ будто хотѣлъ сказать, что у его глубокоученнаго друга не хватило мужества на такой гигантскій подвигъ, не достало и той горячей любви къ дѣлу, которая безусловно необходима для того, чтобы сразу овладѣть своей задачей, объединить безчисленную и пеструю

массу фактовъ въ одной одухотворящей ихъ идеѣ, — словомъ дать читателю нѣчто цѣльное, стройное и живое.

Незнакомый съ Грецомъ читатель сплошь и рядомъ беретъ за его трудъ съ нѣкоторой неохотой, робѣя предъ его ученостью, предъ размѣрами его. Стоитъ, однако, такому читателю осилить любую главу любого тома его „Исторіи“, для того, чтобы дочитать этотъ томъ до конца. И подъ обаяніемъ захватывающихъ сценъ, рисуемыхъ авторомъ, его оригинальныхъ мыслей и его удивительнаго стиля, онъ безъ сомнѣнія прочтетъ затѣмъ и весь трудъ. Одной ученостью такихъ результатовъ не достигаютъ. „Исторіи и легенды, — говоритъ самъ Грецъ, — нагроможденные предъ вами въ тысячахъ книгъ, напоминаютъ вавилонскую башню, если ихъ не объединяетъ живое чувство любви“. Эта-то любовь Грца къ своему народу, — вотъ то святое чувство, которое отъ первой строки до послѣдней водило его перомъ, когда онъ писалъ свою исторію. Однако, при всей своей любви къ еврейству, Грецъ такъ глубоко былъ проникнутъ сознаниемъ величія взятаго имъ на себя труда, что не считалъ себя въ правѣ утаить или смягчить невыгодные для еврейства факты и, подобно извѣстнаго рода адвокатамъ, представлять въ особенно выгодномъ свѣтѣ положительныя стороны еврейства, оставляя въ тѣни отрицательныя. Правду, одну неприкрашенную правду Грецъ изображалъ въ своей „Исторіи“, исходя изъ того убѣжденія, что подобно тому, какъ солнце остается величайшимъ свѣтиломъ при всѣхъ его пятнахъ, такъ и еврейство было, есть и останется великимъ народомъ, несмотря на всѣ его недостатки. И Грецъ былъ правъ. Въ его трудѣ мы имѣемъ настоящую, правдивую исторію еврейскаго народа.

Отъ этой общей характеристики главнаго труда Грца мы перейдемъ къ краткому очерку его не избилующей внѣшними фактами, но богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни.

Генрихъ (Гиршъ) Грецъ родился 31 октября 1817 г. въ городѣ Кшионсѣ, въ Познанской провинціи. Городокъ, имѣющій честь считаться родиной перваго еврейскаго историографа, понынѣ еще представляетъ убогое мѣстечко, не насчитывающее и тысячи обитателей и извѣстное въ тѣсныхъ предѣлахъ Познанской провинціи — только тѣмъ, что въ немъ въ 1848 г. происходило нѣчто вродѣ сраженія между прусскими войсками и польскими инсургентами. Самое разумное, что родители юнаго Грца могли сдѣлать, это по возможности скорѣе удалить его изъ этого боло-

та. Такъ они въ дѣйствительности и сдѣлали, хотя нельзя сказать, чтобы новое мѣсто жительства, которое они для него избрали, было лучше стараго. Городъ Церковъ, въ который онъ попалъ, оказался такимъ же медвѣжьимъ угломъ, какъ и Кишонсъ. Просвѣтительное же учрежденіе, по просту именуемое хедеромъ, въ которомъ ему здѣсь предстояло получить свое первое образованіе, весьма плохо было приспособлено къ тому, чтобы развить въ талантливомъ ребенкѣ его природныя дарованія.

Каждому еврею извѣстно, что такое представляютъ собою хедера даже въ настоящее время. Нетрудно поэтому представить себѣ, чѣмъ они были какихъ-нибудь 75 лѣтъ тому назадъ. Сплошь и рядомъ это была темная грязная конура, одновременно служившая столовой и спальней для самого меламеда и его многочисленныхъ домочадцевъ, и тѣмъ, что теперь называютъ классной комнатою—для его еще болѣе многочисленныхъ учениковъ. Въ эту конуру набожные еврейскіе родители каждодневно съ ранняго утра доставляли, —нерѣдко на рукахъ,—своихъ дѣтей, начиная четырёхлѣтнимъ крошками, и оставляли ихъ на попеченіи меламеда до поздняго вечера. Ученіе шло круглый годъ, безъ каникулъ, прерываясь на нѣсколько дней только по большимъ праздникамъ. Жалобъ на переутомленіе учащихся въ то время ни съ чьей стороны не раздавалось, да еврейскіе родители и не обращали бы на нихъ ни малѣйшаго вниманія. О чемъ-нибудь въ родѣ педагогической системы церковскіе мелаеды и представленія не имѣли. Палка и розга въ ихъ рукахъ были универсальнымъ средствомъ противъ нерадивости, лѣни, плохой памяти и прочихъ дѣтскихъ „пороковъ“.

Грецу, впрочемъ, здѣсь сначала было повезло. У перваго меламеда, къ которому онъ попалъ, онъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что чрезъ короткое время родители нашли возможнымъ перевести его въ другой хедеръ, высшаго разряда. У новаго учителя пятилѣтнему Генриху, однако, не посчастливилось. Ему пришлось здѣсь испытать ту судьбу, которая выпадаетъ на долю всѣхъ талантливыхъ дѣтей, попавшихъ въ руки къ ограниченному и жестокому въ своей глупости педагогу. Даровитѣйшихъ своихъ учениковъ такіе школьные тираны считаютъ тупицами на томъ единственномъ основаніи, что они не желаютъ, да и не могутъ мириться съ ихъ желѣзной ферулой. Новый учитель маленькаго Греца всѣмъ и каждому рассказывалъ, что его строптивый ученикъ—совершеннѣйшая бездарность. Это несправедливое отношеніе къ

Генриху сильно возмущало перваго его меламеда, обучившаго его грамотѣ и успѣвшаго его полюбить за необыкновенныя способности. Въ одинъ прекрасный день онъ явился въ школу своего коллеги и, не говоря ни слова, взялъ своего бывшаго ученика на руки и унесъ къ себѣ.

Сколько интеллектуальной мощи, сколько непреодолимой любви къ знанію и не-дѣтской силы воли должно было таиться въ душѣ этого ребенка, если онъ въ такихъ убійственныхъ условіяхъ могъ еще дѣлать успѣхи въ той мертвой „наукѣ“, которою мертвые люди его пичкали. Современная еврейская молодежь и представленія не имѣетъ о тѣхъ мытарствахъ, какія въ тѣ темныя времена приходилось претерпѣвать жаждущему какого ни на есть знанія еврейскому мальчику и чрезъ какія пытки долженъ былъ пройти будущій исторіографъ, пока онъ добился до источника настоящаго знанія.

Когда мальчику минуло тринадцать лѣтъ, родители отправили его для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ въ соседній городъ Вольштейнъ. О пребываніи юнаго Греця въ этомъ городѣ одинъ изъ старыхъ друзей историка рассказываетъ слѣдующее: „Приблизительно въ 1830 г. г-жа Грецъ, — простая, но замѣчательно умная еврейка, — привезла своего тринадцатилѣтняго сына въ ея родной городъ Вольштейнъ. Пріютивъ его у своихъ бѣдныхъ родственниковъ, она для основательнаго изученія Талмуда дала ему въ учителя мѣстнаго раввина. Замѣчательно прилежнаго и жаждавшаго знанія Генриха, однако, и тогда уже привлекалъ къ себѣ не одинъ Талмудъ. Не оставляя послѣдняго, онъ сталъ изучать... французскій языкъ, благо подъ руки ему случайно подвернулся старый учебникъ этого языка; доставъ затѣмъ грамматику нѣмецкаго языка, онъ съ неменьшимъ рвеніемъ принялся и за послѣдній. Онъ самъ былъ своимъ учителемъ; кругомъ него не было ни одного человѣка, кто могъ бы придти ему на помощь совѣтомъ или указаніями. Своей желѣзной волей и неутолимой умственной жаждой онъ одолевалъ всѣ трудности, не обращая вниманія ни на голодъ и холодъ, ни на крайнюю нужду вообще, въ какой ему въ то время приходилось жить. Въ одинъ зимній вечеръ я какъ-то заглянулъ къ нему. Онъ былъ въ постели, такъ какъ въ его комнаткѣ былъ такой же собачій холодъ, какъ на дворѣ. У убогой кровати стояла скамейка, а на ней масляная лампочка, еле-еле освѣщавшая одинъ уголокъ комнаты. Грецъ былъ по самый подбородокъ окутанъ въ

одѣяло: видны были одни полузамерзшіе концы пальцевъ одной руки, державшіе книгу, которую онъ, повидимому, читалъ съ большимъ увлеченіемъ“.

Въ этой ужасной обстановкѣ Грець прожилъ ровно пять лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ, однако, успѣлъ весьма многому научиться и значительно расширить свой кругозоръ. У него тогда уже стали обозначаться довольно широкія воззрѣнія на Библію и Талмудъ. Но онъ инстинктивно чувствовалъ, что ему еще многого недостаетъ. И со всѣмъ пыломъ своей неудовлетворенной души онъ рвался изъ душевной атмосферы, чувствуя, что она изведетъ его и умственно и физически.

Въ то время въ ортодоксальныхъ кругахъ восточной Пруссіи гремяло имя молодого ольденбургскаго раввина Самсона Рафанла Гирша, прославившагося вполнѣдствіи вождя консервативнаго еврейства Германіи. Старые правовѣрные равнины познанскихъ городковъ видимо не въ состояніи были уже тогда удовлетворять духовнымъ запросамъ еврейской молодежи, чужавшей въ воздухѣ дыханіе какой-то новой жизни; эти равнины, роивъ всю свою жизнь, въ старыхъ еврейскихъ фоліантахъ, не понимали однако священнаго Писанія, не умѣли даже правильно читать еврейскіе тексты. Были, правда, между ними счастливыя исключенія, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти почтенные пастыри не знали ни древне-еврейскаго, ни нѣмецкаго языка, говорили на варварскомъ жаргонѣ и въ итогѣ, при всей своей мнимой учености, были въ сущности большими невѣждами. Въ этой затхлой средѣ восемнадцатилѣтній Грець не могъ, разумѣется, найти того идеала, къ которому его тянуло.

Его, воспитаннаго въ строгихъ правилахъ вѣры и благочестія, также мало, съ другой стороны, могли удовлетворять и свободомыслящіе проповѣдники религиозныхъ реформъ. Онъ искалъ середины, примиренія между неподвижной догмой и критической мыслью. Этого примирителя онъ нашелъ въ новой звѣздѣ, взшедшей на горизонтъ еврейства, въ ольденбургскомъ раввинѣ. Случайно попавшая въ его руки брошюра Гирша привела молодого Греца въ восторгъ. Онъ сразу увидѣлъ въ немъ свой идеалъ. Именно такъ, какъ онъ мечталъ, Гиршъ соединялъ въ своемъ лицѣ истинно ученаго еврея и просвѣщеннаго нѣмца, человѣка вѣрующаго и мыслящаго, пастыря и вождя. Это былъ какъ разъ тотъ человѣкъ, какой, по мнѣнію Греца, нуженъ былъ тогдашнему консервативному еврейству, темному, безпомощному, сбитому съ толку новымъ вѣяніями.

Къ нему то Грець и обратился съ просьбой взять его въ свои ученики. Гиршъ охотно согласился, отвѣтивъ ему письмомъ, въ которомъ онъ между прочимъ высказывалъ мысль, что учитель долженъ еще болѣе стремиться учить, чѣмъ ученикъ—учиться. Грець переѣхалъ въ Ольденбургъ и провелъ въ этомъ городѣ нѣсколько лѣтъ, совершенствуясь въ еврейскомъ богословіи и въ то же время посѣщая мѣстную гимназію, для того, чтобъ впоследствии поступить въ университетъ.

Гиршъ вскорѣ успѣлъ полюбить своего ученика и сдѣлался для него не только наставникомъ, но и покровителемъ и опекунномъ. Грець же прямо боготворилъ его. Онъ съ восторгомъ слушалъ его проповѣди и зачитывался его „Письмами о еврействѣ“, въ которыхъ молодой равинъ страстно и горячо протестовалъ противъ реформъ въ области еврейской обрядности съ одной, и массовыхъ переходовъ германскихъ евреевъ въ лютеранство, съ другой стороны. Книга эта вообще имѣла огромное вліяніе на Греца и, можно сказать, опредѣлила его воззрѣнія на еврейство. Подобно своему духовному отцу, Грець въ то время также благоговѣлъ передъ „историческимъ еврействомъ“, негодовалъ на реформаторовъ и мечталъ сдѣлаться... равинномъ по образцу Гирша, о которомъ онъ, — кетати прибавимъ, — въ теченіе всей своей жизни сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія, какъ о единственномъ учителѣ своемъ въ истинномъ значеніи этого слова.

На 23-мъ году жизни Грець окончилъ гимназію и рѣшилъ перейти въ бреславльскій университетъ. До поступленія въ послѣдній онъ воспользовался каникулярнымъ временемъ, для того, чтобы погостить въ родномъ Кшіонсѣ. Здѣсь онъ впервые узналъ свою будущую супругу. Въ очеркѣ жизни Греца нельзя не удѣлить нѣсколько словъ этой благородной въ своей простотѣ и любвеобильной женщинѣ, разумными совѣтами своими не разъ предупреждавшей ошибки, въ которыя Грець при своей непримиримой, прямолинейной натурѣ такъ легко впадалъ.

Въ Бреславлѣ Грець весьма усердно занимался, основательно изучая на филологическомъ („философскомъ“) факультетѣ классическія литературы, новые языки и философію, и въ то же время продолжая совершенствоваться въ своей специальности, — еврейской исторіи и литературѣ.

Равинномъ въ Бреславлѣ въ то время былъ знаменитый Гейгеръ вмѣстѣ съ Филипсономъ и Гольдгеймомъ стоявшій во главѣ еврейскаго реформаціоннаго движенія, переживавшаго тогда

свой Sturm - und - Drang - Periode. То была дѣйствительно эпоха „бури и натиска“ либеральной еврейской интеллигенціи, въ своемъ стремленіи все реформировать, доходившей до глубоко-оскорбительныхъ для вѣрующихъ евреевъ крутыхъ повешествъ, въ родѣ устранения изъ богослуженія еврейскаго языка, произвольнаго „исправления“ молитвенниковъ и т. п. Возмущенный этимъ „кощунствомъ“ Грець-студентъ разразился противъ Гейгера статьей, въ которой рѣзко раскритиковалъ его, какъ равина и „реформатора“. Этой статьей молодой ученый впервые обратилъ на себя вниманіе еврейской интеллигенціи. Что статья эта попала въ цѣль, можно судить по тѣмъ яркимъ нападкамъ, какимъ молодой ученый подвергался за нее со стороны бреславльскихъ прогрессистовъ.

Въ этомъ первомъ публицистическомъ опытѣ Греца замѣчается еще нѣкоторая тяжеловатость стила. Это далеко еще не та блестящая, плавная рѣчь, которая такъ легко лилась изъ - подъ пера Греца впоследствии; но тутъ во всякомъ случаѣ нѣтъ и поверхностной болтовни, стремленія много наговорить и ничего въ сущности не сказать. Грець, наоборотъ, и въ этой первой работѣ своей въ немногихъ словахъ говоритъ очень много, говоритъ мѣтко и сильно, какъ человѣкъ убѣжденный и умѣющій отстаивать свои убѣжденія. Мало того, Грець и въ этомъ трудѣ уже весьма остроумно формулируетъ господствующія идеи большихъ историческихъ эпохъ и устанавливаетъ между ними преемственную связь.

Слѣдующей большой и самостоятельной работой Греца явилось его изслѣдованіе: „Гностицизмъ и Еврейство“, посвященное имъ „Его преподобію Господину Окружному равину Самсону-Рафану Гиршу, просвѣщенному борцу за историческое еврейство, незабвенному учителю и другу, въ знакъ любви и признательности“. Это посвященіе, кстати замѣтимъ, лучше всего доказываетъ, какъ ошибались тѣ, которые тогда уже считали молодого Греца противникомъ его учителя. Разрывъ же, который между ними дѣйствительно произошелъ позже, въ сороковыхъ годахъ, былъ вызванъ не Грецемъ а самимъ Гиршемъ къ тому времени вернувшимся въ лагерь крайнихъ ортодоксовъ. Грець же, какъ мы видѣли, уже въ тридцатыхъ годахъ порвалъ съ этимъ лагеремъ. Онъ тогда уже говорилъ о макаеевскихъ псалмахъ, смотрѣлъ на Талмудъ не ослѣпленными фанатизмомъ глазами и съ восторгомъ привѣтствовалъ свободную критику Цунца. Вообще же замѣтимъ, что во взглядахъ своихъ на еврейскую исторію и религію Грець оставался неизмѣнно вѣренъ себѣ въ теченіе всей своей жизни. И

это, конечно, дѣлаетъ ему большую честь. Коренная перемѣна въ національно-религіозныхъ взглядахъ нерѣдко, правда, является результатомъ большой внутренней ломки, но все же въ подобныхъ случаяхъ невольно возникаетъ иногда сомнѣніе, не произошелъ ли такой крутой переверотъ подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ соображеній.

Только что названное изслѣдованіе Грецъ, по окончаніи университета, написалъ для полученія степени доктора философіи, которую онъ и получилъ въ 1845 г. Приурочивая это изслѣдованіе къ волновавшимъ современное еврейство національно-религіознымъ вопросамъ, Грецъ сюжетомъ для него избралъ догматическіе споры одной изъ раннихъ эпохъ еврейской исторіи, когда іудейство на своей родной почвѣ впервые столкнулось съ чуждымъ ему ученіемъ и, помѣрившись съ нимъ силами, навсегда его отвергло. Дѣло идетъ здѣсь о борьбѣ, въ первые вѣка христіанской эры, возгорѣвшейся между еврействомъ, съ одной стороны, и ученіями гностиковъ, александрійцевъ и другихъ мистическихъ сектъ къ нимъ примыкавшихъ, съ другой. Грецъ показываетъ, что еврейство вышло изъ этой борьбы такимъ же невредимымъ и чистымъ, какимъ оно до того вышло изъ болѣе долгой еще борьбы съ язычествомъ.

„Съ этой стороны, многозначительно замѣчаетъ въ концѣ своего изслѣдованія Грецъ, — разсматриваемая нами эпоха представляетъ очевидную аналогію съ переживаемымъ нами временемъ. Стоитъ лишь подставить на мѣсто гностическаго дуализма современный пантеизмъ со всѣми его послѣдствіями, — это модное ученіе, которому при помощи всякихъ софизмовъ измѣнническимъ образомъ стараются нынѣ подчинить юдаизмъ. И въ наше время нѣтъ недостатка въ открытыхъ или замаскированныхъ Ахерахъ; но, памятуя прошлое, мы не должны терять надежду на появленіе Акивъ“.

Эти прозрачныя намеки на пантеистовъ Гете и Шеллинга и на Ахеровъ — Гейгеровъ и Филипсоновъ, которыхъ сотрутъ съ лица еврейской земли Акивы — Гирши, какъ будто не совсѣмъ умѣстны въ серьезномъ и чисто научномъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе, что въ своемъ полемическомъ задорѣ молодой консерваторъ увлекается до того, что насилуя историческую правду, объявляетъ Ахера вѣроотступникомъ и ренегатомъ. Акиву же — идеаломъ человѣка и еврея.

Всѣ эти полемическія рѣзкости, легко объясняемая страстию момента и отъ которыхъ Грецъ въ послѣдствіи совершенно излѣчился, не умаляютъ однако чисто-научныхъ достоинствъ его труда. Рядомъ весьма остроумныхъ историческихъ параллелей Грецъ освѣщаетъ въ этомъ трудѣ одно изъ любопытнѣйшихъ движеній въ еврей-

ствѣ. Попутно же онъ разъясняетъ весьма много темныхъ мѣстъ въ Талмудѣ, до него оставшихся совершенно „мертвыми“.

Большимъ счастьемъ для самого Греца и для еврейской науки слѣдуетъ, конечно, считать то, что надежды его на получение мѣста равина — проповѣдника въ какой-нибудь большой еврейской общинѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Отъ равина, какъ отъ оффиціального представителя общины и присяжнаго проповѣдника, требуется, какъ извѣстно, не столько внутреннія достоинства, сколько чисто-внѣшнія: представительная наружность и умѣніе красно говорить. Сплошь и рядомъ, между тѣмъ, люди весьма способные и знающіе, совсѣмъ не презентабельны и довольно плохо владѣютъ устной рѣчью. У такихъ людей, когда они очутятся лицомъ къ лицу съ большой толпой, очень часто не хватаетъ мужества и умѣнія сказать самую несложную рѣчь. Робость передъ массой слушателей у иныхъ весьма толковыхъ и совсѣмъ не трусливыхъ людей доходитъ до того, что начиная какую-нибудь рѣчь, они путаются, перескакиваютъ съ одного предмета на другой и говорятъ совсѣмъ не то, что они хотѣли сказать.

Изъ такихъ „ораторовъ“ былъ и Грець. Въ одномъ городѣ, гдѣ онъ выставилъ свою кандидатуру въ равина, ему, по издавна введенному обычаю, предложили сказать въ синагогѣ пробную проповѣдь. Грець взомель на амвопъ и приступилъ было къ произнесению своей заблаговременно приготовленной рѣчи, но оробѣлъ, застрялъ на первой же фразѣ и, сильно сконфузившись, долженъ былъ ретироваться. Онъ такимъ образомъ на опытѣ убѣдился, что роль равина не по немъ. Его мѣсто въ самомъ дѣлѣ было не на амвопѣ проповѣдника, а въ кабинетѣ ученаго, его аудиторія была не тамъ или другая община, а весь еврейскій народъ.

Отказавшись отъ равинства, Грець съ университетскимъ дипломомъ въ карманѣ пріѣхалъ въ Берлинъ, рассчитывая пристроиться здѣсь къ какому-нибудь ученому учрежденію и отдаться задуманной имъ уже тогда „Исторіи Евреевъ“. Но послѣ долгихъ поисковъ ему удалось найти только весьма скромное мѣсто завѣдующаго одной начальной еврейской школой. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, и эта школа была закрыта, и Грецу пришлось уѣхать изъ Берлина. Послѣ двухлѣтнихъ исканій онъ снова получилъ такую же должность, — завѣдующаго еврейской школой въ Линденбургѣ, подѣ Вѣной. Мѣсто было весьма скромное, но Грець принялъ его, надѣясь, что оно дастъ ему возможность основательно заняться своей „Исторіей“. Планъ этого колоссальнаго труда къ